

**ИЕРОМОНАХ НЕСТОР
(КУМЫШ)**

Игумен Нестор (Кумыш)

Новомученики Санкт-Петербургской епархии

Православное издательство "Сатисъ"

2002

(Кумыш) И.

Новомученики Санкт-Петербургской епархии / И. (Кумыш) —
Православное издательство "Сатисъ", 2002

ISBN 5-7373-0119-2

Настоящий сборник, содержащий в себе жизнеописания новомучеников Петербурга и области, является итогом четырехлетнего изыскательского архивного труда. Его выход в свет не означает, что работу в этом направлении можно считать завершенной. Поиск новых имен, которыми могли бы пополниться святцы Санкт-Петербургской епархии, будет продолжен в будущем. По мере накопления нового материала появятся и новые сборники. Жизнеописания новомучеников в книге расположены в хронологическом порядке, точнее, по дате их мученической кончины. Это позволяет по прочтении всей книги получить общее представление о деятельности репрессивной машины, уничтожавшей религию в нашей стране. Уже причисленные к лику святых подвижники именуются, в соответствии с принятой терминологией, священномучениками или преподобномучениками, а те, которые будут прославлены в недалеком будущем – новосвященномучениками и новомучениками. Работа в архивах России в нынешнее время сопряжена со многими трудностями различного и подчас непредсказуемого характера. Автор выражает свою искреннюю признательность тем, кто в той или иной мере облегчал тяжелое бремя этого труда: Ю. Молодковцу, П. Семеновой, р. Б. Валентину. Благодаря бескорыстной помощи этих лиц вышла в свет настоящая книга.

ISBN 5-7373-0119-2

© (Кумыш) И., 2002

© Православное издательство
"Сатись", 2002

Содержание

От автора	7
Священномученики Александр Волков и Дмитрий Чистосердов, пресвитеры Ивангородские	8
Священномученик Платон, епископ Ревельский	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Иеромонах Нестор (Кумыш) Новомученики Санкт- Петербургской епархии

Когда же поведут предавать вас, не заботьтесь наперед, что вам говорить и не обдумывайте; но что дано будет вам в тот час, то и говорите, ибо не вы будете говорить, но Дух Святый.<...> И будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется
Мк. 13, 13

По благословению

Архиепископа Брюссельского и Бельгийского СИМОНА

Иеромонах Нестор (Кумыш) – член Комиссии по канонизации Санкт-Петербургской епархии. В книге представлены жизнеописания клириков имерян, принявших мученическую кончину в годы гонений на Церковь Христову

© Иеромонах Нестор (Кумыш), текст. 2002

© Издательство «Сатись», оригинал-макет, оформление. 2002

От автора

Настоящий сборник, содержащий в себе жизнеописания новомучеников Петербурга и области, является итогом четырехлетнего изыскательского архивного труда. Его выход в свет не означает, что работу в этом направлении можно считать завершённой. Поиск новых имен, которыми могли бы пополниться святцы Санкт-Петербургской епархии, будет продолжен в будущем. По мере накопления нового материала появятся и новые сборники.

Жизнеописания новомучеников в книге расположены в хронологическом порядке, точнее, по дате их мученической кончины. Это позволяет по прочтении всей книги получить общее представление о деятельности репрессивной машины, уничтожавшей религию в нашей стране. Уже причисленные к лику святых подвижники именуются, в соответствии с принятой терминологией, священномучениками или преподобномучениками, а те, которые будут прославлены в недалеком будущем – новосвященномучениками и новомучениками.

Работа в архивах России в нынешнее время сопряжена со многими трудностями различного и подчас непредсказуемого характера. Автор выражает свою искреннюю признательность тем, кто в той или иной мере облегчал тяжелое бремя этого труда: Ю. Молодковцу, П. Семеновой, р. Б. Валентину. Благодаря бескорыстной помощи этих лиц вышла в свет настоящая книга.

Священномученики Александр Волков и Димитрий Чистосердов, пресвитеры Ивангородские (1873–1919, 1861–1919)

Священномученик Александр Павлинович Волков родился в городе Нарве в 1873 году, в семье священника¹. Отец его, Павлин Алексеевич Волков, был протоиереем и настоятелем Нарвской Ивангородской Успенской церкви, прослужившим почти полвека – 47 лет – в приходе этого старинного храма. Вырастив сына, Ивангородский настоятель отдал его в Санкт-Петербургскую семинарию, которую Александр окончил в 1893 году по первому разряду. По окончании курса семинарии двадцатилетний Александр Волков был направлен учителем в Мерреюольскую церковно-приходскую школу. (Мерреюль – известный летний курорт, располагавшийся в живописных окрестностях Гунгербурга (Усть-Нарвы). Через три года молодой учитель подал прошение о переводе в Александрово-Невское Антониевское Духовное училище, находившееся в Петербурге, в котором трудился на протяжении 10 лет. Здесь он сменил несколько должностей. Поначалу он получает должность надзирателя за воспитанниками, затем, 22 сентября 1900 года, Александр Волков становится учителем русского языка 1 класса, а впоследствии, в 1903 году, назначается преподавателем священной истории во 2 классе. Вскоре к педагогической и воспитательной деятельности прибавляется ещё и хозяйственная: 13 сентября 1901 года его утверждают в должности эконома училища. В том же году, 6 ноября, Александр Павлинович епископом Гдовским Константином (Булычёвым) был рукоположен в сан диакона к училищной церкви святого Павла исповедника. К служению у престола Господня диакон Александр, несмотря на большую загруженность в училище, относился со всей серьезностью. В удостоверении, выданном епархиальному начальству при прошении о назначении его на священническое место, сказано: «...За всё время своей службы при училище и во всех должностях диакон Александр Павлинович Волков отличился и отличается примерною аккуратностью, усердием, трудолюбием и старательностью, деятельность его всегда сопровождалась достоподобными успехами. Все возлагаемые на него правлением церковные поручения исполнял с редким умением. Во все воскресные и праздничные дни обязанности дьякона училищной церкви отправлял тщательно и с должным благоговением; всегда служил и служит с приготовлением. Высочайшим приказом от 5 мая 1904 года за отлично-усердную службу награждён орденом св. Анны третьей степени»².

Ровно через три года, 6 ноября 1904 г., диакон Александр Волков был рукоположен во священника преосвященным Кириллом (Смирновым), епископом Гдовским (ныне священномученик), викарием Петербургского митрополита. Чуть меньше года он священствовал в училищной церкви, а 27 сентября 1905 года был определён священником на вакансию при церкви преподобного Сергия Громовского приюта, что в Ковенском переулке (д. 12). Окормляя детей приюта и его служащих, отец Александр продолжает вместе с тем свою педагогическую и воспитательную деятельность в Духовном училище, объём которой значительно расширяется: 3 октября он назначается учителем катехизиса и церковного устава в 4 классе, арифметики во втором классе и наставником в том же классе. При этом правящий архиерей митрополит Антоний (Вадковский) при назначении отца Александра в церковь Громовского приюта выражал обеспокоенность, сможет ли молодой иерей без всякого ущерба совмещать служение в приюте с преподавательской деятельностью в Духовном училище. Но правление училища заве-

¹ Все биографические данные сщмч. Александра Волкова приведены из клировой ведомости Успенской Ивангородской церкви, хранящейся в ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 113, д. 4333, лл. 36–40.

² ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 115, д. 396, л. 2.

рило владыку, что «священник Волков как учитель опытный и усердный, оставив должность классного надзирателя, мог бы совместить должность учителя с обязанностями священника при церкви Громовского приюта»³.

В 1907 году произошли существенные перемены в жизни отца Александра. 27 сентября в возрасте 71 года уволился на покой его отец, протоиерей Павлин Алексеевич Волков. В связи с уходом за штат своего отца иерей Александр в 1907 году 24 сентября резолюцией Санкт-Петербургского митрополита Антония (Вадковского) был определён на вакансию к Успенской Нарвской Ивангородской церкви. С этого момента начинается новый этап в жизни отца Александра: он становится приходским пастырем в полном смысле этого слова. По своему объёму и содержанию этот жизненный период был для него столь же насыщенным, что и тот, когда он работал в Антониевском училище. Свободное от служения время Ивангородский настоятель посвящал преподаванию Закона Божия. В те годы пастыри не ограничивали свою деятельность отправлением богослужения и требоисполнением. Большая часть времени уходила на катехизическое и миссионерское служение Церкви. Поэтому навыки, полученные в Духовном училище, весьмагодились отцу Александру на новом месте служения. В Нарве в начале двадцатого столетия не было недостатка в учебных заведениях. Несмотря на существование нескольких приходов в городе и на немалое количество пастырей-педагогов, среди которых следует упомянуть имя священикомученика Иоанна Кочурова, отец Александр состоял законоучителем сразу трёх учебных заведений. Прежде всего, следует назвать первое женское Нарвское училище, состоявшее из восьми учебных классов и предоставлявшее своим воспитанницам педагогическое образование. Эта гимназия находилась под покровительством Её Императорского Высочества Великой княгини Марии Павловны, которая утверждала в должности попечительницу школы. Входила она также в ведение Санкт-Петербургского учебного округа. Одновременно с преподаванием закона Божия в женской гимназии о. Александр учительствовал в школе при Нарвском Доме трудолюбия, который оказывал срочную и непродолжительную помощь неимущим. Помимо предоставления крова здесь давалась возможность трудиться по мере сил. Работа была несложной и заключалась в склеивании бумажных пакетиков, которые затем использовали в лавках для упаковки. Имелся здесь и приют для престарелых и обездоленных, а также действовал класс для бесплатного обучения детей из бедных семей. Всех этих несчастных надлежало духовно окормлять и морально поддерживать. Отец Александр и трудился по мере сил своих над тем, чтобы обитатели Дома трудолюбия сохраняли в себе как облик человеческий, так и образ Божий. Наряду с этим, пастырь Успенского прихода являлся законоучителем Нарвской Коммерческой школы, принадлежавшей к разряду средних учебных заведений и находившейся в ведении Министерства торговли и промышленности. Училище предоставляло учащимся общее среднее, а также коммерческое образование. Ученики, оканчивавшие полный курс школы, получали аттестат и удостоивались звания почётного гражданина и кандидата коммерции. В попечительский совет училища входила городская элита: члены городской думы, мещанских обществ, купечество. Училище было внушительным и по количеству учащихся: к сентябрю 1917 года в нём училось около 500 детей. Попастъ в это привилегированное заведение было не так-то легко. Несмотря на высокую плату за обучение, конкурс составлял приблизительно четыре человека на место. (Не исключено, что преподавание Закона Божия именно в этом училище и послужило причиной гибели о. Александра. В 1918 году нарвская большевистская газета «Известия» (№ 11) писала: «Нарвское Коммерческое училище является до сих пор оплотом врагов Советской власти, крепостью-центром, где собираются её явные и тайные враги». Быть врагом советской власти, создававшей в то время кровавым насилием антикультурную, антирелигиозную и антинациональную общность, мог только глубоко русский человек, сформировавшийся в спасительных рамках исторической и духовной традиции святой

³ Там же, д. 397, л. 1.

Руси. В разряд врагов соввласти и зачислялись деятелями безликого и деспотичного большевизма все истинные сыны нашего отечества.) Таким образом, учительская деятельность отца Александра имела широкий диапазон и охватывала детей самых различных слоёв населения города Нарвы. Чуть больше десяти лет священствовал отец Александр в Нарве, поддерживая своей пастырской деятельностью веру среди жителей города в то тяжёлое время. К моменту свержения самодержавия и крушения православной империи ему шёл 45-й год.

Другой священномученик Ивангорода, протоиерей Димитрий Чистосердов, был на 12 лет старше отца Александра Волкова. Служил он в приходе Знаменского Ивангородского храма, выстроенного в 1750 году и имевшего 3 придела: иконы Богоматери «Знамение», св. Илии пророка и Крестовоздвиженский. Он был уроженцем Санкт-Петербургской губернии, родившимся 14 октября 1861 года в семье диакона. Окончив Петербургскую семинарию по первому разряду в 1882 году, выпускник Димитрий Чистосердов, как и о. Александр, первое время трудился в Александро-Невском училище в качестве комнатного надзирателя. (В дореволюционное время не рукополагали в сан сразу же по окончании семинарии, а определяли на церковные послушания в учебные заведения, давая возможность кандидату в пастыри повзрослеть, приобрести жизненный опыт и достигнуть тридцатилетнего возраста – рубежа, определенного церковными канонами.) В 1889 году 3 февраля он был определен и рукоположен во священника к Знаменской церкви Ивангорода, в которой прослужил настоятелем 30 лет, вплоть до своей мученической кончины, явив редкостный даже для того времени пример постоянства священнослужения. Эти 30 лет пастырской деятельности сделали из него истинного труженика Церкви Христовой, проникнутого духом евангельского благочестия и всецело посвятившего себя делу служения народу Божию. К 50 годам своей жизни он стал заметной фигурой в Нарве: с ним считались городские власти, любили прихожане, уважали сопастыри благочиния, ценило епархиальное начальство. Его высокая настроенность, трудолюбие, исполнительность и приобретенная опытность была со временем замечена и оценена не только церковным, но и светским руководством, доверявшим ему различные должности уездного значения. Как это явствует из послужного списка, свою пастырскую, приходскую деятельность отец Димитрий сочетал со многими церковными послушаниями епархиального характера, а также с исполнением обязанностей по ведомству Министерства Народного Просвещения. Так, с ноября 1902 года он являлся духовным следователем всех русско-эстонских приходов Санкт-Петербургской епархии, с 8 апреля 1913 года был назначен благочинным 1-го Ямбургского округа, а с 1917 благочинным еще и церковью города Нарвы, а, значит, и Ивангорода, т. к. Иван-город в то время не имел самостоятельности и считался предместьем Нарвы. Кроме этого, отец Димитрий был уездным наблюдателем церковно-приходских школ и школ грамот и одновременно возглавлял Ямбургское отделение Училищного совета города Санкт-Петербурга. Не оставлял он при этом и законоучительской деятельности, преподавая Закон Божий в трех школах: в школе при своем приходе, в Нарвском мужском училище и в Нарвском приюте Орлова. Священномученик Иоанн Кочуров, служивший в те годы в Нарве, в день двадцатипятилетия служения о. Димитрия в священном сане, сказал прочувствованное слово, охарактеризовав юбиляра как ревностного, неутомимого пастыря Церкви и насадителя просвещения среди населения Принаровского края. Влиятельность его среди прихожан Знаменской церкви была столь велика, что даже в 1917 году, когда население и многие прихожане были революционизированы, он на общем собрании приходов города был избран членом совета Нарвского отделения Братства Пресвятой Богородицы. Чтобы оценить это избрание по достоинству, следует сказать, что духовенство под влиянием демократических настроений в то время отстранялось от управления приходами и братствами. Газета «Нарвский листок» в № 42 от 1917 года поместила на своих страницах статью под названием «К объединению церковных приходов», в которой содержался страстный призыв к ограничению прав священников по управлению приходской жизнью. Ни

один священник Нарвы и Ивангорода, за исключением протоиерея Димитрия Чистосердова, не вошел в состав совета Братства Пресвятой Богородицы.

Октябрьский переворот 1917 года, происшедший в Петрограде и ввергнувший Россию в пучину неисчислимых бедствий, со временем достиг и пределов Нарвы. В ноябре месяце немецкая военная власть, утвердившаяся в Эстляндии в ходе первой мировой войны, сменилась диктатурой большевиков. Совершив насильственный захват власти и объявив Эстонию Трудовой Коммуной, представители нового режима первым делом взялись за очищение страны от «религиозного дурмана». 10 декабря 1918 года Совет Эстляндской Трудовой Коммуны издал декрет о выселении из страны всех лиц духовного звания. «Попы всех вероисповеданий, как распространители ложного учения, объявляются контрреволюционерами и, тем самым, врагами трудового народа, и им запрещается пребывание в пределах Эстонии», – говорилось в этом документе. Через два дня вышло новое постановление, запрещавшее совершение богослужений. А 30 декабря Управление Внутренних Дел передало все культовые здания в распоряжение местных исполнительных комитетов. Фактически, эти декреты преследовали цель полного уничтожения Церкви в пределах Эстонии. На основании этих указов все нарвское духовенство было арестовано. В обвинительной графе каждого арестованного священнослужителя значилось: «православный поп, заложник»⁴. Священникам было выдано предписание покинуть страну в течение 24 часов. Депортации избежали только трое из них: отец Александр Волков, отец Дмитрий Чистосердов – они были расстреляны – и отец Владимир Бежаницкий, священник Нарвской Кренгольмской Воскресенской церкви. Последний упрямил власти оставить его в Нарве, принять во внимание его преклонный возраст и болезненное состояние. Большевики «снизошли» к просьбе «классового врага» по-своему, т. е. издевательски: о. Владимира освободили с правом проживания в Нарве, но заставили его при этом рыть ямы для расстреливаемых. Бедный пастырь, не выдержав такого испытания, впоследствии лишился рассудка.

Арестованного отца Александра обвинили в монархизме. Никаких расследований, конечно, не проводилось. Списки расстреливаемых заранее составлялись местными ЧК и затем отправлялись в отдел внутренних дел Эстляндской Коммуны. «В список № 1, – говорилось в секретном циркуляре, – надлежит внести тех из находящихся в живых еще лиц, которые с 1905 года в той или иной форме притесняли или преследовали трудящийся народ. Вы отвечаете за то, чтобы в этом списке не было пропущено ни одного имени, ни одного барона, пастора или православного священника, живущего в этом районе, совершенно независимо оттого, как смотрит местное население на его деятельность»⁵. При таких широких правах, местные карательные органы, минуя всякое судопроизводство, могли вносить в число смертников кого угодно. На протоколе ареста о. Александра от руки наискосок было размашисто написано: «Смотри обратную сторону». А на обратной стороне этого документа в верхнем левом углу та же рука начертила: «Комиссия (по борьбе с контрреволюцией – *прим. авт.*) постановила: русского попа Александра Павлиновича Волкова – расстрелять. 6. 01. 19. О. Эллек»⁶. Таким образом, Оскар Эллек, председатель Нарвской комиссии по борьбе с контрреволюцией, без всяких допросов и дознаний, единолично вынес решение о расстреле о. Александра, поставив резолюцию прямо на протоколе ареста.

Против записи «Чистосердов Дмитрий Стефанович» в соответствующей графе «смертного» списка стояла запись «Mustsada»⁷, что в переводе с эстонского языка означало «черносотенец». Других документов, касающихся отца Димитрия, – ордера на арест, протокола допроса

⁴ ЭГА. Таллинн, ф. 28, оп 3, д. 66.

⁵ Газета «Ревельское слово» от 30 января 1919 года.

⁶ ЭГА, там же, л. 115.

⁷ Там же, л. 26.

и т. и., – в архиве по делу репрессированного духовенства не обнаружено. «Черносотенец» – это единственное слово против его фамилии говорит о том, что отец Димитрий, как и отец Александр, оставался в 1919 году человеком, преданным монархии и Государю Императору, на верность которому они присягали в свое время, как и все граждане России. Их «монархичность» заключалась лишь в той верности идеалам великой России, в которых они были воспитаны и которые стали впоследствии неотъемлемой частью их души. В политической деятельности они замешаны не были, иначе бы в следственном деле обязательно появились бы соответствующие документы и характеристики. Абсолютное отсутствие архивных данных в документах Эстляндской Трудовой Коммуны о принадлежности двух приговоренных к расстрелу настоятелей к партиям и союзам не оставляет сомнений в их аполитичности. Как пастыри, они, вероятно, не могли не говорить открыто о своих взглядах и убеждениях в то трагическое и противоречивое для России время, не могли не обличать революционной направленности тех горожан, являвшихся их паствой, которые оказались втянутыми в губительную борьбу с «царским режимом». Только за это – за искренность и пастырское прямодушие, за верность своему долгу и взрастившей их Родине и Церкви – они и были приговорены к расстрелу. На второй день Рождества Христова, в праздник собора Пресвятой Богородицы, 8 января 1919 года, их вывели за пределы города и предали мученической смерти.

Говоря о гибели двух Ивангородских настоятелей, следует заметить, что уничтожение духовенства в те годы носило организованный, а не произвольный, характер. Расстреливая пастырей или выдворяя их за пределы страны, красные комиссары искореняли идеологию, которая, как им казалась, поддерживала существование строя имущественного неравенства. Характерно, что в декрете Я. Анвельта священство названо отнюдь не «классовым врагом» или «прислугой эксплуататорского меньшинства». Служители Церкви объявлялись в этом документе «распространителями ложного учения». А это значит, что, уничтожая духовенство, большевики боролись, прежде всего, с учением Христа, с православной верой как таковой. Торжество идей социалистического преобразования общества требовало полной ликвидации Церкви. Все это не позволяет нам считать убиенных пастырей случайными жертвами времени, втянутыми в роковой круговорот исторических событий, а обязывает относиться к ним как к мученикам за веру православную и Церковь Христову.

История не сохранила нам подробностей гибели двух ивангородских священников. Тела расстрелянных были брошены в нечистоты. Когда красные были вытеснены из Эстонии, священник Никольской Ивангородской церкви отец Константин Колчин позаботился об отпевании мучеников и христианском их погребении. (Могила одного из них, отца Александра Волкова, сохранилась до наших дней.) Имена Ивангородских пастырей до 1940 года, т. е. до ввода советских войск в Эстонию, почитались в городе наравне с именем священномученика Платона, епископа Ревельского. «В воскресенье, 15 января, – сообщалось в газете «Нарвский листок» от 1928 года (№ 5), – в Преображенском соборе, после литургии причтом во главе с Его Высокопреосвященством архиепископом Евсеем (Гроздовым) была отслужена великая панихида по убиенным большевиками ей. Платоне, прот. Д. Чистосердове и свящ. А. Волкове. Молитвенная углубленность богомольцев, строгая траурная тишина, скорбные напевы панихиды невольно приковывали внимание к тем страшным, ушедшим дням, когда расстреливали за исповедание Христа этих великих священномучеников. Кто из нарвитян не знал отца Димитрия Чистосердова и отца Александра Волкова? Милых, самоотверженных пастырей, которых за любовь ко Христу расстреляли на Кренгольмском поле и тела их бросили в свалочное место. Пусть светлые имена их постоянно будут в нашем сознании».

Хоть эта небольшая заметка, составленная светским лицом, погрешает некоторой религиозной экзальтацией, мысль в ней содержится высокая и справедливая: мы не имеем права предавать забвению имена тех, кто кровь свою пролил за Христа.

Священномученик Платон, епископ Ревельский (1869–1919)

Святитель Ревельский Платон до принятия архиерейского сана 23 года священствовал в Санкт-Петербурге и был видным церковным деятелем нашей епархии. Его неутомимыми трудами была воздвигнута в столице ныне действующая Свято-Исидоровская эстонско-русская церковь, а также образовано в епархии благочиние эстонских православных приходов. Его по праву можно считать подвижником благочестия нашего края.

Родился священномученик Платон (в миру Павел Петрович Кульбуш) 13 июля 1869 года в мызе Подис Перновского уезда в семье псаломщика местной церкви. «Родители его, – говорится в метрической книге Подисской Свято-Троицкой церкви – исправляющий должность причетника Петр Григорьевич Кульбуш и законная жена его Наталья Матфеевна, оба православные. Таинство крещения совершал священник Стефан Зверев»⁸.

В 1880 году, одиннадцати лет от роду, сын сельского псаломщика Павел Кульбуш поступает в Рижское духовное училище и через четыре года оканчивает его по первому разряду. Еще через шесть лет, в 1890 году, он оканчивает Рижскую духовную семинарию, также по первому разряду, а затем в качестве лучшего студента-выпускника зачисляется в Санкт-Петербургскую Духовную академию на условиях полного казенного содержания. Очутившись в столице Российской империи, Павел Кульбуш в свободное от напряженной учебы время старался помочь своим соотечественникам – православным эстам, волею судьбы оказавшимся в чужом городе. Блеск и великолепие столичной жизни не смутили и не тронули чистой и сострадательной души провинциального юноши. Необычное многообразие и насыщенность окружающей жизни не манили и не влекли его к себе. В заброшенные окраины шумного города, где ютились задавленные жизнью семьи эстонских рабочих, направил свои стопы пылкий и вдохновенный деятельной любовью студент Духовной академии. Вступив в петербургское «Общество религиозно-нравственного просвещения», Павел Кульбуш на правах его сотрудника и как человек, владеющий эстонским языком, проводил беседы с проживающими в столице православными эстонцами на их родном языке. Тогда же, в начале 90-х годов, православные эстонцы Петербурга получили возможность изредка совершать богослужения на своем родном языке, для чего приглашали в город из Кронштадта эстонского священника отца Адама Симо. Организацией и обучением любительского хора для проведения этих богослужений занялся Павел Кульбуш, чем, несомненно, оказал существенную помощь своим соотечественникам в удовлетворении духовных нужд.

Между тем, учебная жизнь следовала своим чередом и требовала от питомцев академии неослабного и упорного труда. Умение идти навстречу житейским трудностям эстонской бедноты сочеталось в личности будущего священномученика со склонностями к серьезному богословскому поиску. К концу обучения в академии он обрел зрелость и самостоятельность богословской мысли. Вот какой отзыв профессора Н. Е. Троицкого о кандидатской работе Павла Кульбуша помещен в журнале совета академии за 1893–1894 учебный год: «Г. Кульбуш прослеживает и анализирует два основных фазиса в развитии Лютерова учения о покаянии и исповеди. Причем он шаг за шагом следит за развитием мысли Лютера в том и другом фазисе от начала до конца, не опуская ни одной мелочи, ни одного внешнего влияния на ее метаморфозу, а стараясь всему отвести подобающее место, все оценить в меру его действительного значения. В результате получается совершенно ясная картина развития мысли Лютера о покаянии и исповеди в обоих фазисах, причем вполне разъясняющая и причины ее колебания, и конечный

⁸ ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 86, д. 33, л. 17.

результат, на котором он остановился. Прекрасное знание латинского и немецкого языков позволило автору самостоятельно исследовать первоисточники. Диссертация г. Кульбуша вполне заслуживает не только кандидатской степени, но и особого внимания совета академии»⁹.

Диссертация Павла Кульбуша была посвящена истории вопроса и исповеди у лютеран. Следует отметить, что даже богословский поиск будущего первосвященника эстонской Церкви имел не отвлеченный, а сугубо практический, деятельный характер. Из всего многообразия богословских тем он выбрал ту, которая могла пригодиться ему в его будущем пастырском служении. Намечая тему диссертации, он думал не о степени кандидата, а о своем предстоящем служении в Рижской епархии, где сильно распространена была лютеранская вера. Вот почему главным объектом его изучения стали особенности протестантского вероучения.

Однако служить в Рижской епархии в качестве священника ему не пришлось. В 1894 году, по окончании Духовной академии, молодой священник Павел Кульбуш, рукоположенный 5 декабря в Петропавловском соборе, был определен по усердной просьбе эстонцев в эстонский приход Петербурга. В столице в то время проживало около 16 тысяч эстонцев. В основном, это были безземельные крестьяне, вынужденно переселившиеся в город в поисках заработка. Нанимались они, как правило, в Адмиралтейскую судоверфь и постепенно заселяли район Малой Коломны. Но только одна четверть из числа этих эстонцев исповедывала православие. Большая часть были лютеранами. Положение православных эстов, в отличие от их соотечественников-лютеран, оставалось крайне тягостным. К незнанию языка, к трудностям материального характера прибавлялось отсутствие своего прихода, а значит, духовного окормления и пастырского руководства. Православный эстонец, оказавшись в Петербурге, чувствовал себя в центре православной цивилизации покинутым и одиноким. Отец Павел сам впоследствии рассказывал о начале своей пастырской деятельности: «Если оглянуться на то, что имеют православные эстонцы в Петербурге теперь, то только самая упорная энергия, самая беззаветная надежда на будущее могут побудить не слагать оружия, – потому что теперь приход не имеет буквально ничего. Не говорим о храме, о школе, – нет ни облачения, ни Креста с Евангелием, ни мирницы и дароносицы – самых необходимых вещей для каждого пастыря – не говорим о сосудах, утвари и проч. На Рождество для славления епитрахилью пришлось позаимствоваться в соборе, Крестом у знакомого... для крестин нужно каждый раз выпрашивать все необходимое. И так без конца...»¹⁰. К тому времени в Петербургской губернии уже имелось несколько русско-эстонских приходов. В столичный новообразованный приход можно было назначить какого-нибудь опытного пастыря из числа губернских настоятелей. Однако неслучайно выбор Петербургского митрополита Палладия (Раева), хорошо понимавшего необходимость открытия эстонского прихода в городе, пал на выходца из провинции, только что оставившего учебную парту. Зоркий архипастырь увидел в начинающем иерее необходимую силу веры и духа и привлек его к делу, которое стороннему наблюдателю могло показаться непосильным даже для искушенного трудностями пастыря. Более того, на вчерашнего выпускника, не имевшего опыта приходского служения, было возложено еще одно нелегкое бремя – быть благочинным всех эстонских приходов Петербургской губернии. В 90-х годах православное дело в эстонской диаспоре находилось в зачаточном состоянии и, следовательно, требовало немалых усилий и опыта. Многие эстонские колонии в епархии не имели ни своих приходов, ни храмов, ни школ, ни принтов. Начинать здесь приходилось тоже, практически, с нуля. Предстояли бесчисленные хлопоты, просьбы, заботы, связанные с обустройством приходской жизни всех губернских православных эстов.

Эстонский приход Санкт-Петербурга был учрежден указом Священного Синода от 31 декабря 1894 года. Причт состоял из священника и псаломщика, а богослужение решено было

⁹ «Журнал совета Санкт-Петербургской Духовной академии за 1893–1894 уч. г.», СПб., 1894, с. 237.

¹⁰ Санкт-Петербургский духовный вестник», 1895, № 5, с. 108.

временно проводить в подвальном помещении Малоколоменской Воскресенской церкви, которая в городе была более известна под именем храма Михаила Архангела. О. Павел, возглавив открывшийся приход, сразу же приступил к организации сбора средств для постройки приходской церкви. И первым, кто откликнулся на призыв молодого настоятеля, был всероссийский пастырь Кронштадтский св. праведный Иоанн. В выданную только что из Консистории сборную книгу он вписал первую лепту в 300 рублей и на чистом листе сделал надпись: «Всем сердцем моим молю Господа, Главу Церкви, да привлечет сердца доброхотов к посильным жертвам на устройство в столице православного эстонского храма. Кронштадтский прот. Иоанн Сергиев. 18 марта 1895 года». Однако случилось так, что храм был возведен в последнюю очередь, в завершение всех прочих трудоемких дел, связанных с благоустройством религиозной жизни православной эстонской диаспоры. Обладая сердцем чутким и отзывчивым, отец Павел не мог ограничиться формальным исполнением своих обязанностей. Возглавив эстонский приход, он немедленно окунулся во все стороны трудного бытия эстонского переселенца. Он не умел отдаваться своему делу наполовину, по-наемнически. Всецелая принадлежность своей новой пастве, стесненной отовсюду, стала основной чертой его пастырской деятельности. Поэтому с самого начала параллельно с устройением прихода он занялся организацией общеобразовательной школы для детей из эстонских семей. 21 октября 1896 года его усердием и стараниями была открыта в городе первая эстонская церковно-приходская двухклассная школа. Располагалась она на Екатерингофском канале, у Аларчина моста (д. 75). Отец Павел – устроитель школы – стал ее заведующим и оставался им вплоть до епископской хиротонии. В журнале «Санкт-Петербургский духовный вестник» в связи с открытием школы была помещена заметка, в которой, в частности, говорилось: «Учеников, желающих поступить в школу, набралось больше, чем сколько можно было на первых порах принять. При этом многие изъявляют желание жить в школе. Дело в том, что, ввиду разбросанности эстонцев, живущих в самых противоположных концах города, необходимо было завести нечто вроде общежития: имеются две спальни с постелями. Пришлось подумать и о пище. Однако, главное затруднение – именно в вынужденных жить в школе. На содержание их средств нет. Потом, это все дети бедных родителей, которым и думать страшно содержать детей вне семьи. Единственный выход – обратиться к помощи добрых людей, не помогут ли они чем-нибудь для содержания школьников»¹¹. С годами из-за нарастания всеобщей нестабильности и расшатывания устоев русской жизни любая общественная деятельность приобретала характер почти подвижничества. О деле заведования школами один из епархиальных наблюдателей справедливо писал в своем отчете: «Труд заведования школами в последнее время нелегкий: население тяготится всякою платою за школьное помещение, пособия на наем получают со стороны нелегко, почему требуется немало труда, энергии, хлопот, чтобы школа не осталась на улице. В добавление нужно упомянуть еще о заботах по постройке и ремонту школьных зданий, о тревогах по снабжению школ книгами, о штате и т. д.»¹² В школе отца Павла трудились только два платных преподавателя. Священники, а также все члены причта, обучали детей безвозмездно, ничего не получая за свой нелегкий педагогический труд. Из одной этой детали можно заключить, что в те времена школьное дело ничего, кроме изнурительных и беспрестанных хлопот, не могло доставить труженику народного просвещения. Однако «пастырь добрый, полагающий душу свою за овцы своя», начав дело, уже не мог отрешиться от уз Христовой любви и освободить себя от нелегкого бремени управления школой.

Начиная с 1898 года, отец Павел публикует свои проповеди на страницах столичной церковной печати. Они появляются в номерах епархиального периодического издания «Санкт-Петербургский духовный вестник». Этот журнал помещал проповеди и поучения маститых

¹¹ № 43. С. 851.

¹² «Отчет Санкт-Петербургского наблюдателя о состоянии церковных школ епархии в 1911–1912 годах». СПб., 1911.

проповедников России, таких, как св. праведный Иоанн Кронштадтский, прот. Философ Орнатский и др. Появление проповедей молодого эстонского настоятеля, которому в то время не исполнилось и тридцати лет, среди бесед именитых церковных ораторов говорило о том, что отец Павел, наряду с прочими дарованиями, обладал талантом церковной проповеди.

1898-й год ознаменовался еще одним важным событием в жизни эстонского православного прихода столицы: 29 ноября было открыто эстонское Братство во имя священномученика Исидора, пресвитера Юрьевского. Необходимость его создания была продиктована причинами, прежде всего, религиозного свойства. «Переселенцы-эстонцы, – говорилось в Отчете Братства за 1898–1899 гг., – отрезанные от православных русских незнанием языка, часто уклоняются в лютеранство. Для возврата отпавших, для утверждения эстонцев в православной вере нужны и особые усилия, и особые средства. Древние ревнители Православия в противовес католической пропаганде основывали религиозные братства. Думается, что и в настоящем случае Братство лучше всего могло бы собрать в одном святом содружестве слабых и сильных, стойких и немощных, дабы поддержать, укрепить, оживить и воодушевить одних и дать возможность принести плод своей веры другим.

Есть и внешние нужды... Первая из них – устройство своего храма. Возможно ли привлечь эстонцев к православию, не имея своих помещений и своей церкви? Вторая – помощь материальная существующей школе. Необходимо устроить при ней общежитие, организовать помощь беднейшим детям прихода. Третье – оказание помощи для бедных эстонцев, нередко попадающих в Петербурге в безвыходное положение. Заболел или умер кормилец семьи – откуда семье взять средства на лечение, на проживание? Приехал эстонец в столицу на заработки. Незнание языка и новые условия жизни нередко надолго выбрасывают их за борт жизни. Где найти поддержку?»

Создание Братства было целой вехой в деятельности о. Павла. К моменту его открытия положение в эстонском приходе было неутешительным. Строительство храма и приходских помещений явно затягивалось, поступавших средств ни на что не хватало. Эстонскую школу, которая едва удерживалась на поверхности, развивать было не на что. Душило безденежье и отсутствие помощников. Со временем проблемы только прибавлялись. Формированию и укреплению эстонского православного прихода мешало еще одно немаловажное обстоятельство – существование крепкой и неплохо обеспеченной лютеранской общины, где приехавший в город эстонец обретал свою исконную, национальную среду. Здесь он находил необходимую материальную и моральную поддержку. Конкурировать с таким островком родины, желанным для всякого переселенца-инородца, было почти бесполезно. Однако не таков был о. настоятель, чтобы его можно было сломить возникавшими трудностями. Не избыток сил, а, наоборот, их серьезный недостаток побуждал отца Павла взяться за еще одно начинание – создание эстонского Братства. Весьма неожиданный и необычный способ преодоления трудностей, пригодный лишь для натур волевых и сильных духом.

3 декабря 1897 года было подано прошение открыть Братство, и при нем – проект его устава. 8 июня 1898 года на имя священника Павла Кульбуша последовало утверждение устава из Консистории и разрешение открыть Братство. Оргкомитет под председательством о. Павла провел серию заседаний, и к концу ноября все было готово для торжественного открытия Братства. 29 ноября 1898 года в зале «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения» (ул. Стремянная, 21) состоялось первое заседание Братства. Началось оно с молебна, который был отслужен Преосвященным Вениамином (Муратовским), епископом Ямбургским. Затем прот. Ф. Орнатский, один из самых выдающихся деятелей столичного духовенства того времени, обратился к собравшимся со словом. После этого отец Павел Кульбуш ознакомил собрание с положением православных эстонцев в Петербурге, раскрыл значение Братства и его задачи. Было прочитано житие сщмч. Исидора Юрьевского – небесного покро-

вителя Братства. Завершилось собрание традиционной молитвой и епископским благословением.

Чем занималось Братство? Проводились беседы и поучения для эстонцев на их родном языке, организовывались библиотеки, читальни, книжные склады, предпринимались издания духовной литературы на эстонском языке, оказывалась всевозможная помощь эстонской школе, проводились тематические вечера и т. п. Большое внимание уделялось материальной помощи бедным и нуждающимся. «Приезжает, например, в столицу крестьянка Мария М., у нее трое детей, старшему одиннадцать лет, и у него непонятная болезнь, требующая лечения опытного врача. Больного мальчика приняли в клинику Военно-медицинской академии, но трудно описать, сколько пришлось настрадаться бедной женщине, к тому же хворой и слабой. С ужасом вспоминается их смрадное жилище у Черной речки, холод и голод, т. к. редко находимая поденная работа не давала возможности ни согреться, ни поесть. Если бы не помощь Братства, назначившего ей ежемесячное пособие, неизвестно, чем бы кончила эта семья». (Приведено по материалам «Отчетов Братства».) И таких случаев было великое множество.

Одной из главных была, конечно, забота Братства о построении храма и приходского дома. 24 марта 1900 года Братство ходатайствует перед городской Думой о бесплатной уступке участка земли на соединении набережной Екатерининского канала с Екатерингофским проспектом, а затем представляет план застройки и эскизы зданий храма и церковного дома, безвозмездно выполненные архитектором А.А. Полещуком. В церковном доме предполагается разместить школу, общежитие для детей, зал для проведения бесед, читальню, библиотеку, книжный склад и квартиры для причта. 19 мая 1901 года Дума уступает землю, а 29 июня последовало высочайшее соизволение Государя императора на постройку эстонского храма и при нем дома. В августе месяце 1902 года строительная комиссия, возглавляемая отцом Павлом, приступает к работе и обращается в Синод с просьбой о проведении всероссийского сбора пожертвований на постройку храма. 5 и 6 января, в канун Рождества Христова, во всех храмах империи был объявлен сбор средств на возведение в Петербурге эстонской церкви. 20 апреля 1903 года состоялось освящение места под постройку храма, в котором участвовал св. Иоанн Кронштадтский. Спустя всего восемь месяцев Братство совершит еще одно освящение: временного храма, устроенного в возведенном церковном доме. Св. Иоанн Кронштадтский, принимавший участие и в этом событии, произнес в новоосвященном храме одушевленную проповедь, а затем, посетив школу, с любовью благословил детей и участников хора. Через несколько лет, 23 сентября 1907 года, храм во имя священномученика Псидора, пресвитера Юрьевского, будет освящен митрополитом Антонием (Вадковским). Этот храм навсегда останется молчаливым свидетелем неутомимой веры, деятельной любви и неиссякаемого упования его создателя – о. Павла Кульбуша, ибо возводился он без всякого участия государственных ведомств и ассигнований, энергичными действиями одного человека. Немного найдется в Санкт-Петербурге церквей, построенных таким образом. «Душевно сорадуюсь, горячо приветствую Вас с окончанием необыкновенного дела – сооружением великолепного храма и дома в столице для православного эстонского прихода. Он будет и Вашим памятником навеки. Честь и слава Вам, и благодарение Всевышнему», – писал в письме рижский протоиерей Николай Лейсман, председатель Прибалтийского братства, которого отец Павел приглашал на освящение храма. Справедливости ради следует отметить еще, что на возведение эстонской церкви ушло четыре трудных года, совпавших с временем первой русской революции и неудачной русско-японской войны, основательно подорвавших и истощивших российскую экономику.

Длинный перечень скупых дат и фактов. Сколько скрыто в нем человеческих мук, переживаний, сомнений, постоянного внутреннего напряжения, сколько содержится в нем христианского мужества. В одном из отчетных слов о. Павел, оторвавшись на мгновение от перечисления дел, произнес: «Глядя на тружеников Братства, поистине научаешься любить людей,

ценить их отзывчивые сердца, благодарить Бога за то, что Он их посылает – и молиться, молиться не ленилось, чтобы ничье усердие и труд не были забыты пред Господом»¹³. Это слова человека, глубоко переживавшего за свое дело, отдававшего ему всецело, до ежедневного самопожертвования. Благородный и сдержанный, унаследовавший отцовскую скромность, о. Павел не умел видеть своих заслуг и не любил, когда их замечали другие. Сам бесконечно преданный эстонскому православию, основавший приход, школу, Братство, построивший храм и трехэтажное здание при нем, он не переставал удивляться душевной щедрости других и умел по-настоящему ценить любое человеческое соучастие.

Мы погрешим неполнотой повествования, если не упомянем хотя бы вкратце о церковно-общественной роли о. Павла в жизни Санкт-Петербургской епархии. Ибо устройством эстонского православия не ограничивалась деятельность этой разносторонне и богато одаренной натуры. В адресной книге «Весь Петербург» за 1917 год против фамилии городского жителя «Кульбуш П. П.» расположена статья следующего содержания: «Настоятель Исидоровской эстонской церкви; благочинный эстонских церквей Петроградской епархии; заведующий двухклассной церковно-приходской школой для детей православных эстонцев в Петрограде; делопроизводитель эстонского Братства сщмч. Исидора Юрьевского; законоучитель Литейной женской гимназии; председатель ревизионной комиссии центрального комитета по свечным делам при Священном Синоде; делопроизводитель «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения»; член правления Петроградского епархиального свечного завода». Трудно вообразить себе, чтобы одному человеку под силу было справляться с таким количеством церковных послушаний. Однако и этот внушительный перечень должностных обязанностей о. Павла далеко не полный. Прот. П. Кульбуш, сверх сказанного в «Адресной книге», входил в состав епархиального комитета миссионерского общества и принимал активное участие в его деятельности. Долгие годы о. Павел путем голосования избирался в состав и другой комиссии – особого органа, который готовил материалы к ежегодным съездам духовенства всей епархии. Комиссия обсуждала самый широкий спектр вопросов епархиальной церковной жизни. О том авторитете, которым пользовался настоятель эстонской церкви среди священства епархии, говорит и тот факт, что в 1917 году он был избран членом исполнительного комитета по созыву епархиального собрания для избрания архиерея на Петроградскую кафедру. Для чего был создан этот комитет? «Весь порядок избрания епископа должен быть изложен в особых правилах, подробная разработка которых поручена исполнительному комитету. На него же возложены и все обязанности организации выборов и устройства собора»¹⁴

¹³ Отчет Братства за 1904 г., СПб., 1905, с. 7.

¹⁴ «Известия по Санкт-Петербургской епархии», 1917, № 19, с. 9.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.